

Пастухов Николай Иванович

Разбойник Чуркин

Часть 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Разбойник Чуркин: Часть 5 / Пастухов Николай Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 456 с.

ISBN 978-5-521-27336-2

Народное сказание "Старого знакомого". В пяти частях.

ISBN 978-5-521-27336-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

себѣ купилъ; дороги онѣ нонче: за восемь красненькихъ неохотительно дали, убирая со стола самоваръ, говорилъ хозяинъ постоялаго двора и затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Каторжникъ поднялся съ лавки, подошелъ къ дверямъ, приложилъ къ нимъ ухо и сказалъ:

— Ушелъ.

Чуркинъ ходилъ по комнатѣ, залажа руки за спину; лицо его было какъ-бы чѣмъ отуманено, лобъ покрылся морщинами.

— Вотъ, братъ, втюрились, такъ втюрились мы съ этими лошадьми! сказалъ онъ, подойдя къ Осипу.

— Кто-жъ ожидалъ, что онѣ такія, проворчалъ тотъ.

— Смѣлость какая у Калистратыча, убилъ купцовъ и на ихъ-же лошадяхъ катается, значить, ничего не боится.

— Чего ему бояться, въ такой сторонѣ живетъ, гдѣ все съ рукъ сходить. Ты, атаманъ, не въ него—всего трусишь.

— Наше дѣло другое, не на томъ полозу ѣдемъ, каждая малость можетъ кавардакъ надѣлать.

Принесли ужинъ, столъ былъ покрытъ скатертью, самъ дворникъ находился тутъ-же и предложилъ постояльцамъ водки.

— Отчего-же не выпить? можно, подайте графинчикъ.

— Ужъ извините, патента не имѣемъ, а для гостей по малости придерживаемъ: нельзя, требуютъ, такой ужъ напитокъ, безъ него не обойдешься, объяснялъ дворникъ.

— Въстимо, не обойдешься, замѣтилъ разбойникъ.

— Дворникъ вышелъ. Подана была водка, и ночлежники принялись за ужинъ, который продолжался не долго, и затѣмъ они стали укладываться на покой.

Вдругъ до слуха ихъ донесся какой-то шумъ на улицѣ. Осипъ взглянулъ въ окно, увидалъ бѣгавшихъ съ фонарями людей и сказалъ:

— Атаманъ, взгляни-ка-сь, что такая за суматоха поднялась на улицѣ-то.

Разбойникъ подошелъ къ окну и началъ присматриваться; онъ видѣлъ, какъ мужички сгруппировались около дома, въ которомъ они остановились, съ нѣсколькими фонарями въ рукахъ, и недоумѣвалъ, чтобы такое случилось: „Ужъ не насъ-ли ищутъ?“ подумалъ онъ, не отходя отъ окна.

— Не выйдти-ли мнѣ, да не узнать-ли, въ чемъ дѣло? обратился къ нему каторжникъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ, ощупывая въ карманѣ свой револьверъ, отвѣчалъ Чуркинъ, и, вынувъ его, зарядилъ на всѣ стволы.

— Это ты зачѣмъ-же, атаманъ, развѣ намъ опасность какая грозить?

— А кто знаетъ: на всякій случай, надо приготовиться, не зря-же въ руки отдаваться.

Осипъ какъ-бы струсилъ, вынулъ изъ-за голенища кистень, убралъ его въ правый рукавъ своего кафтана, подаль Чуркину тулупъ, и оба вышли изъ комнаты на дворъ.

— Вы что, или лошадокъ своихъ поглядѣть вздумали? Будьте покойны, у насъ на счетъ всего тихо, сказалъ имъ дворникъ, попавшійся на встрѣчу.

Говоръ на улицѣ былъ слышенъ со двора; душегубы подошли къ своимъ лошадямъ и, въ сопровожденіи хозяина дома, оглядѣли ихъ.

— Хватить-ли имъ на ночь корма, не подсыпать-ли еще полмѣрочки овсеца? спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, достаточно, мѣру всыпалъ, и ту, пожалуй, не уберутъ, буркнулъ Осипъ, поглядывая по направленію къ воротамъ. Вотъ попоить-бы ихъ слѣдовало, прибавилъ онъ.

— Сейчасъ я работника пришлю, онъ принесетъ воды, сказалъ дворникъ и пошелъ къ воротамъ.

— Не въ ловушку-ли мы попали? смотря при свѣтѣ фонаря на атамана, прошепталъ каторжникъ.

— Все можетъ быть, изъ-за лошадей чего не вышло-ли.

— Живыми въ руки не дадимся.

Явился съ ведромъ работникъ и началъ доставать изъ колодца воды, поднесъ ведро къ лошадямъ, а тѣ и пить не стали.

— Сыты онѣ у васъ, выливая на свѣгъ воду, сказалъ онъ.

— Ну, не хотятъ, такъ и не надо, проворчалъ каторжникъ.

— Что это у васъ за шумъ на улицѣ? спросилъ у него Чуркинъ.

— Мужики вчерашняго дня ищутъ, топоръ у нихъ за поясомъ, а они его не найдутъ.

— Да что такое случилось?

— Лошадь отъ постоялаго двора ушла, а они думали, что ее увели.

— Ну, что-жь, нашли?

— Куда ей дѣваться, за нашъ дворъ зашла, тамъ и стоитъ, отвѣтилъ мужичекъ и направился къ избѣ.

— Только страху на насъ нагнали, прошипѣлъ каторжникъ.

Чуркинъ молча пошелъ на свою квартиру, за нимъ зашагаль и его товарищъ.

— Путилы стали мы съ тобой, атаманъ, сказалъ Осипъ, войдя въ комнату и запирая на крючекъ двери.

— Нельзя, братъ,—осторожность не мѣшаетъ, сбрасывая съ себя тулупъ, отвѣчалъ тотъ.

— Всякаго шороха стали бояться, да и нельзя, какъ ты говоришь, возжи-то распускать, какъ разъ въ бѣду втормишься, лошадки эти и въ правду могутъ насъ выдать, обознали ихъ, слишкомъ примѣтны вышли.

— Только-бы отсюда благополучно уѣхать, а въ Ирбитѣ ничего, кто ихъ тамъ узнаеть, сказалъ Чуркинъ, укладываясь на боковую.

— Теперь, кажись, ничего, обойдется; дворникъ увѣрился, что кони наши, а ни чьи-нибудь, да и догадаться ему трудно; что мы ихъ отбили у Калистратыча.

— Все пока хорошо, а что завтра будетъ, увидимъ, давай спать.

Черезъ нѣсколько минутъ разбойники спали уже крѣпкимъ сномъ; успокоился и постоялый дворъ.

Калистратычъ пріѣхалъ къ мѣсту побоища на разсвѣтъ дня, выльзъ изъ саней и сталъ, какъ вкопанный, на мѣстѣ. Страшная картина открылась передъ нимъ; мускулы его передернулись не отъ страха, а отъ злости. Кровавое побоище не покорило его: къ нему онъ уже давно привыкъ, а ему досадно стало только то, какъ его ребята опростоволосились и легли подъ ударами какого-нибудь кушча и его кучера. Долго онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, подошелъ къ лежавшимъ въ крови лошадямъ и, увидавъ у нихъ разбитыя головы, подумалъ: „вотъ это вижу, что работа моихъ ребятъ была, такъ я имъ приказывалъ“. Оборотившись, глаза его наткну-

лись на два трупа; оба они лежали наизничъ, съ прострѣленными головами. „Да, чиста работа“, сказалъ онъ самъ себѣ. „А гдѣ-же третій? ужъ не увезъ-ли его купецъ съ собою?“ оглядываясь вокругъ, размышлялъ Калистратычъ и въ эту минуту замѣтилъ въ сторонѣ торчавшій изъ-подъ снѣга халатъ, подошелъ къ тому мѣсту, открылъ лицо своего работника, покачалъ на трупъ головою и промолвилъ: „эхъ, братъ Степанъ, отбился ты отъ своихъ, должно быть, на утекъ пошелъ, а тутъ тебя, голубчика, и накрыли“. Калистратычъ увидалъ, что голова Степана такъ-же была прострѣлена. Дубины лежали при каждомъ изъ погибшихъ; онъ собралъ ихъ и зарылъ въ снѣгъ, чтобы скрыть ихъ отъ начальства, которое придетъ на слѣдствіе, и не подать вида, что его парни были нападающими. „Нѣтъ, голубчики, за смерть смертью и я вамъ заплачу“, сверкая глазами, думалъ Калистратычъ.

Чтобы не терять времени за поисками купца, онъ быстро отвернулся отъ мѣста побоища, взялъ свою лошадь подъ уздцы, свелъ ее съ дороги въ сугробъ и повелъ по наторенной дорожкѣ въ объѣздъ убитыхъ коней. Сильная лошадь, утопая по грудь въ снѣгу, вывезла сани снова на дорогу. Калистратычъ кинулся въ нихъ, взмахнулъ кнутомъ и поѣхалъ далѣе.

Добравшись до селенія Ляги, Калистратычъ остановился у небольшого домика, уже покачнувагоса отъ времени въ лѣвую сторону и съ окнами, подавшимися въ землю, поставилъ лошадь къ воротамъ, подошелъ къ окну и постучался; выглянула какая-то физіономія, быстро выбѣжала на дворъ, отперла ворота и сказала:

— Добро пожаловать, Панкратъ Калистратычъ, дорогой гость, кланаясь въ поясъ, привѣтствовалъ разбойника хозяинъ хижины.

— Спасибо, Лука Сергѣичъ, отвѣтилъ тотъ и ввелъ лошадь на дворъ.

Лука Сергѣичъ былъ мужчина уже пожилой, выше средняго роста, плечистый, съ широкимъ калмыцкимъ лицомъ, съ сѣрыми на выкатъ глазами, съ шершавой нечесанной головой, съ бородой по поясъ; видно, что человѣкъ бывалый въ разныхъ передѣлкахъ, свидѣтелемъ чего былъ виднѣвшійся на лбу глубокій шрамъ.

— Какими это судьбами занесло тебя къ намъ? спросилъ Лука Сергѣичъ, вводя гостя въ избу.

— А вотъ все расскажу, дай раздѣться. А гдѣ-же твоя хозяйюшка?

— Приказала тебѣ долго жить,—умерла.

— Вотъ тебѣ и клюква! Давно-ли?

— Годовщинку ужъ по ней справилъ, оставила меня одно-то, сердечная.

— А дочка гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— Стало быть, одинъ остался?

— Вотъ, какъ видишь, бобылемъ живу. Самоварчикъ не прикажешь-ли поставить?

— Можно, только сперва поди, лошадку мою отпряги, да сѣнца ей дай, а потомъ и овсеца подсыпь.

— Изволь, родной ты мой, изволь, дай только поцѣловать тебя, сколько лѣтъ мы съ тобой не видались.

— Что тутъ за поцѣлуи, бабы, что-ли, мы съ тобой?

— Нѣтъ, да сколько лѣтъ-то прошло, года три, небось, минуло, какъ мы видѣлись?

— Больно-же тебѣ не навѣстить меня, взялъ-бы, да пріѣхалъ, не за горами отъ меня живешь.

— Не отъ кого уѣхать, самъ видишь, какъ домишко-то оставить.

— Ну, ладно, потолкуемъ еще, поди къ лошади-то.

Сергѣичъ вышелъ; Калистратычъ раздѣлся и, усѣвшись на лавку, подумалъ: „А что, не взять-ли его мнѣ съ собою, парень онъ подъ руку мнѣ годится“, и въ этомъ онъ не ошибся.

На вѣку своемъ Сергѣичъ порядкомъ поразбойничалъ, не мало ограбилъ и подушилъ людей; нѣсколько разъ сидѣлъ за такія дѣянія въ острогѣ, но отъ каторги и ссылки увертывался. Калистратычъ все это хорошо зналъ, не разъ Сергѣичъ и выручалъ его укрывательствомъ отъ розысковъ по слѣдамъ преступленія. Словомъ, Сергѣичъ былъ ему человѣкомъ подходящимъ, на котораго можно было во всемъ положиться, и при томъ охулки на руку онъ не дастъ: силаща у него богатырская. Такъ раздумывалъ Калистратычъ о своемъ предполагаемомъ работникѣ, къ которому другаго и подобрать трудно.

Сергѣичъ вернулся со двора и принялся за самоваръ. Калистратычъ помогъ ему нащепать лучины, и черезъ нѣсколько минутъ они уже сидѣли и потягивали китайское зелье.

— Такъ какими-же судьбами, Панкратъ Калистратычъ, захалъ ты въ нашу сторону, по дѣламъ, знать?

— Вѣстимо, по дѣламъ, да еще по какимъ, ахнешь, Сергѣичъ! Неволя занесла меня сюда, своего врага ѣду розыскивать.

— Какого это такого? съ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— Самаго злущаго. Знаешь ты, какое со мною горе приключилось? Трехъ работниковъ моихъ убили и лошадей у нихъ, сѣрыхъ-то моихъ, угнали; не попадались-ли онѣ тебѣ здѣсь?

— Нѣтъ, не видалъ. Гдѣ же ихъ убили?

— Неподалеку отъ васъ, въ лѣсу на дорогѣ, развѣ ты не слыхалъ?

— Ни, ни; сижу все дома, никуда не выхожу. Когда же это случилось?

— Третьяго дня, протянулъ Калистратычъ и рассказалъ Сергѣичу все, какъ было дѣло.

— Ну, ну! Вотъ чего не ожидалъ, покачивая головой, сокрушался Сергѣичъ.

— Вотъ и ѣду разыскивать этихъ пріятелей, да одному невадно, не поѣдешь-ли ты со мной? За все заплачу, знаю, что ты мужикъ надежный.

— Съ охотой-бы размялъ свои косточки, да домъ не на кого оставить.

— Возьми, да запри. Дня три, не больше, проѣздимъ, будь другъ, сослужи мнѣ службу.

— Что-жъ, пожалуй, коли такъ просишь,—поѣдемъ.

— Вотъ за что я тебя люблю, дай мнѣ свою руку, да побожись на распятіе, что ты мнѣ ни въ чемъ не измѣнишь и не выдашь, если въ чемъ придется.

Сергѣичъ пожалъ руку Калистратычу, перекрестился на распятіе, такъ какъ оба они были старообрядцы.

— Ужъ найду-же я этого купца, отомщу ему за смерть ребятъ, дорого онъ мнѣ за нихъ поплатится.

— А гдѣ мы ихъ розыщемъ?

— Въ Ирбитѣ они, за товаромъ туда поѣхали. Не увернута, такъ-ли я говорю?

— Знамо, не увернутся. Что мнѣ захватить-то съ собою, развѣ дубину взять?

— Бери ее, да топоръ возьми. Нельзя-ли тебѣ узнать, у кого они въ вашемъ селеніи останавливались? Лошади, не забудь, были у нихъ сѣрыя.

— Знаю, ты вѣдь сказывалъ, отвѣтилъ Сергѣичъ, накинулъ на плечи халатъ и пошелъ освѣдомляться на постоянные дворы.

— Да ты не рассказывай тамъ, что я у тебя сижу, сказалъ ему вслѣдъ разбойникъ.

— Зачѣмъ говорить, узнають, такъ пойдутъ разные разговоры, хлопнувъ дверью, промычалъ Сергѣичъ.

— Ну, вотъ я теперь и самъ другъ, а то одному непригодно ѣхать, вдвоемъ безъ опаски будетъ, сказалъ Калистратычъ и вышелъ на дворъ поглядѣть лошадку.

Въ какія нибудь двадцать минутъ Сергѣичъ обѣгалъ все постоянные дворы и, вернувшись, принесъ отвѣтъ, что никакихъ купцовъ на сѣрыхъ лошадяхъ въ эти дни не останавливалось.

— Значить, мимо проѣхали, чтобы слѣдъ замѣть, подумавши немного, сказалъ Калистратычъ.

— Должно быть, такъ.

— Купецъ-то, видно, себѣ на умѣ, хитеръ, песъ, проворчалъ разбойникъ.

— Когда-же, сейчасъ, что-ли, въ дорогу собираться?

— Теперь неловко, пускай стемнѣетъ и поѣдемъ.

— Съ тобой есть какой нибудь припасъ?

— Есть пистолеть о двухъ зарядахъ; онъ, пожалуй, и не понадобится, однимъ топоромъ обойдемся: въ городѣ вѣдь, а не въ полѣ придется съ ними расплачиваться, замѣтилъ Калистратычъ и прилегъ на лавку отдохнуть.

Начало смеркаться. Сергѣичъ, не безпокая своего друга, запретъ лошадь, и когда все было готово къ отъѣзду, разбудилъ его; тотъ одѣлся, Сергѣичъ взялъ топоръ, уложилъ въ сани дубину, заперъ на замокъ избу, отворилъ потихоньку ворота, чтобы не слышали сосѣди, уѣхалъ съ Калистратычемъ въ сани; они выѣхали на дорогу, лихо промчались по селенію и выбрались въ поле.

СХХХІІ.

На послѣднемъ своемъ переѣздѣ къ Ирбиту Чуркинъ поднялся съ логовища необыкновенно рано, разбудилъ каторжника, приказалъ ему распорядиться о самоварѣ и приготовиться къ отъѣзду. Тотъ потянулся, протеръ глаза, поднялся съ лавки и проговорилъ:

— Раненько-же ты, Василій Васильичъ, сегодня поднялся: кажись, еще и не разсвѣтало!

— Не спится что - то, отвѣчалъ тотъ, причесывая волосы.

— Что? Знать думы тебя одолѣли?

— Безъ того нельзя, подумаешь: не къ тестю въ гости ѣдемъ,—небось, знаешь,—а къ незнакомымъ людямъ, да и городъ-то чужой, надо поразмыслить; а тамъ, пожалуй, Калистратычъ за нами гонится.

— Ну, онъ и не посмѣетъ; куда тащиться и зачѣмъ?

— Не такой онъ человекъ, въ похоть насъ не оставитъ: коснись и до меня, я даромъ-бы никому не простилъ того, что мы съ его ребятами устроили. Ступай, да вели самоваръ поскорѣй подавать.

Осипъ вышелъ.

Разбойникъ принялся ходить по комнатѣ; онъ останавливался то у стола, на которомъ горѣла сальная свѣчка, то подходилъ къ окну и глядѣлъ сквозь стекло на улицу, открытую еще мракомъ ночи; на лицѣ его лежала глубокая дума о предстоящемъ пріѣздѣ на ярмарку: въ мысляхъ своихъ онъ соображалъ, какъ быть и что дѣлать по пріѣздѣ въ городъ и, въ случаѣ появленія Калистратыча, какъ отъ него отдѣлаться; всѣ эти задачи для него были не легкія и требовали величайшей аккуратности и смѣтливости, которой, впрочемъ, онъ обиженъ не былъ.

Принесли самоваръ, явился и каторжникъ, доложилъ своему атаману, что лошади запряжены и готовы уже въ дорогу.

— Спроси, сколько тамъ съ насъ слѣдуетъ, сказалъ Чуркинъ женщинѣ, принесшей самоваръ.

— Хорошо, я пришла хозяйина, проговорила та и вышла изъ комнаты.

— Вотъ что, братъ, парики-то мы съ тобой дома забыли, а они намъ понадобятся, обратился разбойникъ къ Осипу.

— Какъ-же теперь быть? ты объ нихъ мѣ ничего не сказалъ, я и не взялъ ихъ.

— Придется новые купить, ничего безъ нихъ не подѣлаешь, обваривая чай, протянулъ разбойникъ.

— Да на что они тебѣ понадобятся? насъ въ Ирбитѣ никто не знаетъ, закуривая свою коротенькую трубочку, сказалъ Осипъ.

— Ты думаешь, что на ярмаркѣ никого нѣтъ изъ нашего брата? Найдутся и они; не будемъ-же мы съ тобой въ избѣ сложа руки сидѣть, придется во всѣхъ мѣстахъ побывать, наткнешься на кого-нибудь и не отвяжешься. Калистратычъ придетъ, прямо ему и втюримся.

— Оно такъ, вѣрно говоришь, атаманъ, безъ париковъ плохо, согласился Осипъ, потягивая съ блюдечка китайское снадобье.

Вошелъ дворникъ, со счетами въ рукахъ, поклонился постояльцамъ и молча положилъ ихъ на столъ.

— Ну, хозяинъ, клади, что за что, обратился къ нему Чуркинъ.

Тотъ началъ перекладывать косточки и объявилъ сумму. Разбойникъ досталъ изъ кармана бумажникъ и рассчитался за постоянное.

— Лишняго ты ничего не положилъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, что слѣдуетъ взять.

— За овесъ, кажись, дорогонько назначилъ?

— У насъ со всѣхъ одна цѣна. Раненько вы поднялись, свѣтъ еще не скоро будетъ.

— Такъ нужно, поторапливаемся засвѣтло въ городъ приѣхать. А что, развѣ ночью ѣхать у васъ опасно?

— Нѣтъ, у насъ шалостей не слыхать, я такъ говорю, днемъ ѣхать веселѣй.

— Ну, намъ все равно, мы люди привычные къ дорогѣ. А ты вотъ что намъ скажи, гдѣ остановиться на ярмаркѣ?

— Гдѣ хотите, тамъ и остановитесь, постоянныхъ дворовъ тамъ сколько угодно.

— Все-таки, гдѣ получше и подешевле?

— Вамъ, небось, съ комнаткой нужно?

— Вѣстимо, не въ общей-же располлжиться.

— Спросите Кузьму Яковлева, у него дворъ хорошій и мужикъ онъ добросовѣстный, я его знаю.

— А гдѣ его тамъ найти?

— Любой дворникъ вамъ укажетъ, скажите, что отъ меня присланы,—Степанъ Назаровъ, молю, онъ меня знаетъ.

— Спасибо, непременно у него остановимся, надѣвая тулупъ, сказалъ Чуркинъ и вышелъ изъ комнаты вслѣдъ за Осипомъ.

Дворникъ взялъ фонарь и проводилъ постояльцевъ со двора, пожелавъ имъ счастливой дороги, приглашая заѣхать къ нему на обратномъ пути.

— Темненько-то, темненько, Василій Васильевичъ, выбравшись за селеніе, сказалъ Осипъ.

— Ничего, до свѣту теперь недолго, подгоняй понемножку, отвѣтилъ тотъ.

— Дорожка незнакомая, какъ-бы не сбиться съ нея.

— Одна, небось, идетъ, а ты все-таки поглядывай.

Каторжникъ тряхнулъ возжами, и кони понеслись во всю рысь.

— Ты потише, не разомъ, а то вдругъ ихъ осадить, замѣтилъ Чуркинъ.

— Не такія, атаманъ, лошадки, пятьдесятъ верстъ не кормя пробѣжать, сказалъ Осипъ и крикнулъ: „эхъ, вы, Калистратыча команда, дѣйствуй!“

— Гляди, братъ, на счетъ ухабовъ, шей-бы не сломать, ворчалъ разбойникъ.

Каторжникъ не слыхалъ его замѣчанія, потряхивалъ возжами, любуясь конями, посвистывалъ, да покрикивалъ на нихъ.

Скоро они достигли лѣса; Осипъ осадилъ лошадокъ и пустилъ ихъ шагомъ. На востокъ, на безоблачномъ небѣ зардѣлась зорька.

— Ну, вотъ и разсвѣтатъ начало, сказалъ Чуркинъ.

— Да, атаманъ, повеселѣе и поѣдемъ. Такъ ты думаешь въ Ирбитѣ у Кузьмы Яковлева остановиться?

— Думаю, а что?

— Я-бы не совѣтывалъ.

— А почему?

— Потому, Калистратычъ можетъ заѣхать къ дворнику, у котораго мы останавливались и разспросить о насъ.